

Мария ЧАЛКИНА

РАДУЖНЫЙ КУЗНЕЧИК

Мария Владимировна Чалкина родилась и живёт в Оренбурге, окончила филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. Работала внештатным корреспондентом в разных изданиях, редактором Оренбургского книжного издательства. Прозаик, печаталась в журнале «Гостиный Дворь», областной прессе. В настоящее время работает в редакции областной газеты «Оренбуржье», воспитывает двоих детей.

Сегодня ближе к рассвету мне приснился кошмар. Ну, как кошмар? Ведь я просто шла в школу. Но лучше бы за мной гнался монстр.

Осень. Такая промозглая и дождливая. Всё вокруг мокрое и чёрно-багряное. Другие бы это назвали золотой осенью. Но я видела всё мрачным и каким-то умирающим.

Я иду. Всё, до мельчайших деталей, плохо. Туфли натирают, сумка тяжёлая, волосы выбились из кос и растрепались, их полочет на утреннем ветру. Но самое ужасное — это уже виднеющаяся впереди школа. Новая школа. Жёлтая школа.

Три года я проучилась в чудесной уютной школе около дома. В нашем классе были одни только девочки. И их было всего десять человек. На переменах мы гуляли по коридору, стены которого были украшены картинами, а в фойе стоял огромный аквариум. А ещё у нас была сиреневая

комната отдыха, где обитал психолог, и можно было ему пожаловаться на учителей и подруг. И нам не ставили оценок. И эта школа была зелёная!

А новая — жёлтая. И этим всё сказано. Этот омерзительный больной цвет вместили в себя всё, что было так нелепо и страшно в новой школе: классы по сорок человек, мальчики и девочки попеременно, огромные и обшарпанные коридоры, по которому дети не ходили, а носились, оценки, которые писали красной пастой, и да, тоже психолог, которая иногда выскакивала из своего кабинета и начинала визгливо отчитывать первого попавшегося ей ребёнка...

И вот в это жёлтое, большое и громкое я шла в своём сне. Как и когда-то, когда мне было десять лет.

Я хорошо помню, как стою на перемене у окна, а мимо, как индейцы по прериям, с гиканьем и уханьем бегут дети. Я так боялась, что они меня просто сметут... «Эй, Рыла!» — крикнул кто-то. Это было «ласковое» производное от моей фамилии. Все заржали и стали упражняться в милом детском юморе. Таким образом, сняв с меня скальп, индейцы с воплями помчались дальше, наверное, к следующей жертве.

Я захожу в класс, там пахнет мелом. Один этот запах вызывает у меня неприятные ощущения внизу живота. Осторожно сажусь за свою парту. Стараюсь быть очень незаметной, чтобы сосед по парте не повернулся ко мне и не

«пошутил». Я, на самом деле, немножко влюбилась в него, но от этого было ещё хуже.

Вдруг я вижу на парте свернутый белый листочек. Это записка. Записка мне! С волнением её разворачиваю. Но там ничего обидного. Там аккуратным подчерком написано: «Привет! Я наблюдаю за тобой, и ты мне нравишься! Я скоро подойду к тебе и скажу: «Кузнечик», а ты мне так же ответь» — и подпись «Неизвестный друг».

Я еле высидела урок. Не описать моё волнение и счастье. Почему-то я и не подумала, что это может быть дурацкий розыгрыш. Я сразу поверила, что это друг.

И вот опять перемена. И я опять у окна. И опять на меня несётся стадо бизонов, но, к счастью, они пробегают мимо. И вдруг я слышу за спиной: «Кузнечик!» Оборачиваюсь. Стоит высокая красивая девочка с чудесной толстой косой и огромными глазами. Я едва бормочу в ответ: «Кузнечик...» Девочка смеётся и ведёт меня к другому окну: «Смотри, тут голуби свили гнездо! Скоро будут голубята». А потом:

— А в школе есть ещё одна лестница и старый туалет. Заброшенный! Пойдём покажу!

— Но скоро начнётся урок...

— Прогуляем!

Дух авантюризма просто бил из этой барышни. Она и не была барышней. Скорее, пацанкой. Правда, очень красивой. Но дико энергичной и смешливой.

СПЕЦИАЛИСТ

Моя новая подруга много читала, в основном приключения, так что и наша жизнь в школе стала похожа на приключение: мы, как шпионы, следили за биологичкой, чтобы попасть в тайную комнату за кабинетом, там были заспиртованные препараты и чуела; мы сбегали с урока труда, чтобы похоронить торжественно в фикусе таракана; мы вместе ходили в театр и там пытались достать хрусталик с люстры (и у нас получилось!); мы исследовали подвал соседского старого дома; мы подкидывали одноклассникам разные таинственные записки; мы... много чего!

А потом мы поссорились. Так же внезапно, как и подружались. Нас пытались помирить мамы, но не вышло. Дух авантюризма диктовал моей подруге свои законы чести. И она перестала разговаривать со мной.

Но всё-таки только благодаря ей школьный кошмар перестал быть таким жёлтым. Страх остался, конечно, но он превратился, скорее, в страх быть пойманным на месте преступления. Перерос в любопытство. Сделал жизнь ярче. Школьные дни заиграли цветом, как радужный театральный хрусталик.

Мы помирились спустя пятнадцать лет. И я знаю одно: старая дружба не ржавеет и не покрывается пылью. Смех друзей неизменен. И, однажды войдя в нашу жизнь радужным кузнечиком, он там остаётся навсегда.

— Федюнька! О чём замечтался опять?

Нина Петровна была рассержена, накрашенные сиреневым губы сжались в тонкую линию. Она раздражённо бухнула на стол Федюньке стопку накладных на сопутствующие товары, которые у них в отделении № 4 «Почты России» положено было впаривать посетителям.

Федюнька, по паспорту Фёдор Иванович Тюхин, поднял на неё глаза, надёжно спрятанные за толстыми линзами старомодных очков. Видел он и в очках плохо, поэтому Нина Петровна ему представлялась розово-чёрным облаком с ярко-рыжей гулькой сверху и провалом неприязненно произносящего слова рта.

Фёдора Ивановича на работе не любили. Нескладный, неловкий и уже немолодой человек до сих пор был в маленькой должности, носящей очень неконкретное название «специалист». Но специалистом он был лишь по зависанию в облаках, а на работе выполнял разные поручения коллег, имеющих более конкретные задачи.

Вот и сейчас оператор абонентского отдела, красивая башкирка Альфия, посмотрев на него искося, хмыкнула и попросила принести ей новую подушечку для печати со склада.

— Иди сейчас, Федюнька, а то народ пойдёт в обед, а моя уже не мажет.

Федюнькой его прозвали не только сотрудники, прослышав однажды, что его так называла покойная мать, но и весь маленький посёлок Тюльган, где он мирно жил и работал вот уже 35 лет, а может, и все 40... Он никогда не помнил про свои дни рождения, а остальным это было и не нужно...

Фёдор Иванович спокойно встал и под презрительный окрик («Про накладные не забудь, тютя!») пошёл на склад. Склад находился в самой дальней части узкого коридора, и прогулка по его скучной близине давала мужчине возможность побыть наедине с собой и со своими мыслями. А они у него были прелюбопытные:

— Вот вчера ж я ему говорил: Васёк, а Васёк, детей из приюта вперёд давай! А он упрямылся: всех по очереди надо. А что по очереди? Некоторые письма написаны раньше, да шли долго... Дело такое... Почтовое. Мне ли не знать... А Васёк уши мохнатые свои чешет пером гусиным... Как будто нельзя нормальными шариковыми ручками писать... Дарил ж ему... Нет. Упрямый кот! Ну ничего, поставил моих детишек вперёд... Им подарки важнее. Дедушка Мороз им первым принесёт. Да и Снегурочка... Ах, Снегурочка!

На этой мысли Фёдор Иванович остановился перед железной дверью. Открыл её с некоторым трудом, а потом в тусклой желтизне пахнущего бумагой и сургучом

склада остановился подумать, зачем же он сюда пришёл. Но Снегурочка лезла в его мысли без спросу. И всё путала.

Снегурочка тогда ему сказала: «Ты Васёку не слушай, он кот. И сердце у него кошачье. А ты человек. И у тебя оно человеческое любого человеческого. Делай как знаешь. Ставь очередь на детей, как думаешь. Ты их знаешь, многих лично, знаешь, кому срочно подарок нужен, а кому баловство одно. А сироты должны вперёд идти, тут я согласна!»

И дотронулась тогда Снегурочка так легонько до груди Фёдора Ивановича, что сердце его человеческое чуть не выпрыгнуло...

Про детей из приюта не просто так Фёдор Иванович заговорил с помощником Снегурочки — толстым янтарно-бархатным котом Васёкой. Давно дружил этот худой тихий мужчина с детишками из детского дома. Сам им подарки покупал, в гости часто ходил, стихи им по вечерам читал и сказки. Чтец он был отличный. Работницы приюта привыкли к нему, относились не так, как на работе, а с уважением и любовью. Их «Федька пришёл», «Здравствуй, Федюнька», «Налить тебе чайку, Федюнька?» звучало совсем по-другому...

Но Федюнька всё вспоминал вчерашний вечер. Он приехал на лыжах, как обычно, в потайную избушку в лесу в трёх километрах от Тюльгана, где жил Васёк-кот с отрядом безыманных

белых мышей-помощниц, и привёз мешок свежей почты, помеченной детским почерком «Деду Морозу» и доверенной ему почталоном, который был только рад помощи. Конверты были яркие, зачастую разрисованные ёлочками, шариками и завитушками.

В это раз Васька был не один. За дубовым столом сидела, сложив маленькие белые ручки и выпустив золотую косу из-под шапки, сама Снегурочка.

— Здравствуй, Фёдор, — ласково она его поприветствовала, — а я тебя жду! Хотела сама помочь письма сортировать. Васька вот ворчит, что ты их не по датам обрабатывать просишь, а по важности.

Тут-то Фёдор и рассказал Снегурочке о детях из сельского нищего приюта, которым помогает он, как может (утаил он, правда, что ползарплаты своей на них отдаёт).

Васька только фыркал.

— У моих мышей тоже папмам нет, ну и что, зачем пиететы такие. Выпьем с тобой грогу на Новый год, а, Фёдор Иваныч? Получат твои птенцы подарки согласно графику. Кто первого, кто третьего января. Как уж почта сработает, извиняй. У вас вон всё через сортировочный центр идёт, даже ты не можешь ускорить. Вот и расслабься!

— Да не могу я расслабиться! 31-го ночью они должны свои подарки получить. Здесь вот нет аж пяти писем! От Кати, Оли, Серёжи, Ники и Арсения! А они их

писали. Я им сам помогал. Затеялись. Давай я тебе продиктую, что они хотят! А к чекам потом их письма, как найдутся, прикрепись. Задним числом!

— Задним числом... — ворчливо повторил кот, ловко отправляя в рот кусок ветчины. — Уф, зараза, вкусная, лучше этих ваших мандаринов мерзких. Спасибо, Снежка, тебе!

— Пожалуйста, котик. Ты послушайся Фёдора-то, котик, он дело говорит. А чеки задним числом — это не страшно. Пойдём, Федя, выйдем на мороз, скажу тебе два слова.

Тут она ему и сказала про сердце, а потом добавила: «Ты с Васькой не пей грог, пусть с мышами своими пьёт. Я приду на Новый год к твоим подопечным. А потом выпьем с тобой шампанского вашего. Брют хочу попробовать. Угостишь?» — и засмеялась по-доброму...

Радует и греет это воспоминание Фёдора Ивановича. И не слышит он колкостей коллег, и про подушечки для штампов забыл, и про накладные. Стоит, улыбается...

— Федюнька, мать твою! Где спишь там?! — крикнула через весь коридор ему размытая гора по имени Нина Петровна.

Специалист четвёртого отделения «Почты России» посёлка Тюльган Фёдор Иванович Тюхин по прозвищу Федюнька взял со стеллажа подушечки и, сутулясь, пошёл на громогласный призывный рёв.

Я знаю её вот уже пятый год. Пять лет подряд она приходит ко мне в гости без спросу и предупреждения. Зимой на лыжах, летом на велосипеде и всегда с умного вида рыжим некрупным псом. Пока мы беседуем, её собака ложится между нами, кладёт голову на передние лапы и внимательно смотрит то на хозяйку, то на меня.

— Я знаю... Я знаю всё, что ты мне скажешь. Он — не мой. Он чужой мужчина, но никто не может мне запретить его любить. И я буду. Я никому не делаю этим зла. Никому не причиняю вреда. Так ведь? — говорит она нервно, запинаясь и непрерывно ероша свои короткие волосы.

Я с ней осторожно соглашаюсь, так как думаю, что она всё-таки очень вредит. Себе. Но спорить с ней бесполезно. Она любит этого человека вот уже целую вечность, ну, так кажется ей, я-то знаю, что пять лет — это всего ничего. Но любит она так страстно, красиво и эмоционально, что даже завела псину, как две капли воды похожую на него.

Она достаёт вот уже седьмую за эту встречу сигарету. Неловко и как-то неумело прикуривает и, мешая слова с дымом, быстро говорит:

— Представляешь, а мне опять снился этот дурацкий сон. Он всегда так славно начинается...

Как будто мы вместе с ним на какой-то вечеринке. И вот он подходит и берёт меня за руку... Его глаза и руки просто мечут огонь. Понимаешь?

Конечно. Я понимаю. Руки мечут огонь. И глаза тоже.

— Ну вот. И мы пытаемся уединиться, укрыться от всех. Нам так хочется побыть друг с другом. Понимаешь, о чём я?

«Я всегда понимаю, о чём ты. Продолжай».

— И мы не можем! Не можем! В какую бы комнату мы ни зашли, куда бы ни спрятались, нас начинают преследовать люди. Они распахивают дверь, лезут в окна, они внезапно оказываются там, где мы. А нас так тянет друг к другу... Как магниты. Но стыдно! Стыдно и страшно! Мы убегаем... Вот ещё одна дверь, открываем — никого. Мы кидаемся друг к другу в объятия. Он меня целует. Как я счастлива! И вот опять! Опять! Дверь дёргают, замок не держит, он, наверное, сломан, я пытаюсь подпереть эту чёртову дверь, но уже чьи-то руки начинают просовываться в дверные щели! И я вижу чьи-то лица в окнах, они стучат нам, заглядывают, прислонив ладони к стеклу...

Она говорит и курит так быстро, что ей не хватает дыхания. В её словах мелькают слёзы. Собака смотрит на неё тревожно и на всякий случай коротко гавкает на меня.

— И я просыпаюсь! Опять, опять просыпаюсь! Мне страшно!

Кто эти люди? Почему они не дают нам любить друг друга? Но ведь в этом сне есть одно хорошее: он любил меня там. Значит, он и вправду любит меня? Где-то глубоко?

«Нет. Не значит!» — но ей я этого не скажу, поэтому лишь молча смотрю поверх её янтарных, тревожных глаз. Она рассказывает мне этот свой сон уже в тысячный раз. И мне очень жаль её, потому что я понимаю, что этот сон ей снился в тысячный раз. И после него она плачет, курит, опять плачет, пишет стихи, а потом бежит, едет или идёт на лыжах ко мне. Я её друг. Я ей не говорю того, что он вполне счастлив со своей женой и детьми. Они были у меня недавно. Я не предательница. Просто так вышло.

Мне хочется обнять её. Её маленькое изящное тело содрогается от рыданий. Как же она себя измучила, иссушила. Сама себя приворожила к нему. Я её осторожно глажу по тёмному ёжику волос. Она обнимает меня на прощание. Свистит своей лохматой собаке и укатывает в закат.

Но однажды она пропала. Я не видела её год или два. Я не очень разбираюсь во времени. Я думала о ней и как-то даже спросила у лесной сороки, не видела ли та её. Но сорока не смогла мне помочь. Ведь я не знаю, как зовут мою любящую и страдающую подругу.

Но вот она пришла. Прибежала. Я едва узнала её. Волосы

отросли и струились по плечам. Она была большая, даже толстая. Но по её сияющему лицу я поняла, что она ждёт ребёнка. Она подошла ко мне и прошептала тихо-тихо:

— Спасибо!

Она обняла моё огромное тело. А потом поцеловала в твёрдую, морщинистую, старую щёку.

— Мне больше ничего не снится! Я сплю без снов. Очень устаю любить его!

И она махнула куда-то в сторону лужайки. На ней спокойно стоял высокий, большой мужчина со светлыми короткими волосами. А рядом с ним беспокойно прыгал мелкий, лохматый, рыжий пёс. Так не похожий на этого мужчину. Ничем.

— Познакомились на лыжной базе! Представляешь?! И как-то сразу закрутилось... Стали жить вместе через неделю после знакомства! Нет, ты представляешь?!

Конечно, я представляю! Я ведь 300-летняя сосна, и я видела очень многое в своей жизни. И таких, как она, и таких, как её пёс, и такую любовь, и другую любовь... Но я никогда не видела снов. А так бы хотела. Я бы всё отдала даже за маленький серый сон.

Но я старая сосна. И мне не положено видеть снов. Мне нужно жить, бодрствуя. Видеть, думать.

И слушать.

Я слушаю вас.

ОДНАЖДЫ БУДЕТ ТЕПЛО...

Однажды будет тепло. С этими словами я проснулась и немедленно натянула одеяло на самый нос, потому что от этой мысли стало ещё холоднее. Утро. Светло и немного пасмурно. Воскресенье. С равнодушной равномерностью тикают часы. Кошка тоже спрятала нос. Косится на меня. Есть хочет, а разворачиваться из тёплого калачика и просить лень. Надеется, что я сама догадаюсь.

В общем, утро как утро и день без начала и без конца.

Но какая-то тёплая мысль всё-таки грела меня... Ах, да. Он. Он — это высокий молодой человек с прозрачными серыми глазами и тёмно-серыми короткими волосами. Он личность неординарная, прирождённый математик, он не любил ни книжек, ни философии, его тянуло к прекрасному, но и в красоте он ценил строгий математический расчёт. Мне с ним было хорошо и комфортно, но, как, впрочем, и всегда, было несколько «но». Во-первых, мы знакомы больше пяти лет, проводим вместе выходные, праздники и просто вечера, но мы не встречаемся... Мы свободны, все друзья давно заочно нас поженили, но мы не пара... Есть на это причины или нет, не важно. Важно для меня лишь то, что мы ни разу не целовались.

При мысли о наших сложных и непонятных отношениях портилось настроение, но промелькнувшее в

уме слово «поцелуй» вызвало тёплый трепет, слегка перехватило дыхание, но... стеной вставало это проклятое «но»...

Пусть сегодня будет решающий день! Я нащупала ногами холодные тапочки и, наконец, встала с постели, потягиваясь. Кошка мгновенно вскочила и, не оглядываясь, понеслась к своей миске.

Ему звонить рано, поэтому приберусь, сбегаю в магазин, приготовлю вкусностей разных и приглашу в гости. Небрежно так: «Заходи, если планов особых нет». Поужинаем, посмотрим комедию, погреемся под одним пледом на двоих, и может... может быть. Приятные планы развеселили меня, а заодно и погоду за окном, февральский день (ибо был уже час дня, ну, люблю я поваляться и помечтать) разгулялся, небо синело от яркого солнышка, синички на подоконнике, как мантру, вторяли: «Весне быть! Весне быть! Весной пить! Весной пить!»

В этом доме почти каждая вещь не просто напоминала о нём, а носила неповторимый отпечаток его личности. Вот плюшевый заяц, которого он выиграл в уличном тире, вот его любимые диски со странной тяжёлой музыкой, вот кресло, которое он притащил ко мне из своей квартиры, вот кошка и игрушка, о которую он всегда спотыкается, тапочки для него, стакан, из которого он пьёт, его фотоаппарат (оставил как-то, чтобы не тащить), а в холодильнике его любимый кисло-сладкий соус, зелень, но без

петрушки, потому что он её не выносит, гранатовый сок, яблоки, минеральная вода определённой марки... Даже в ванной плакат с его любимым актёром, увлажняющее мыло, такое же, как и у него дома, полотенце, которое вместе покупали, зеркало, которое он помогал вешать и крепить... Такое ощущение, что моих вещей было гораздо меньше, чем его. Например, гитара, я не умею играть, а он не выпускает её из рук, я и купила вместо зимних сапог, между прочим. И косметики нет на полках, потому что он говорит, что ему не нравятся захламлённые комнаты, и увлажнитель воздуха, купленный тоже специально для него... Я ли здесь живу? Или это маленький филиал его огромной трёхкомнатной квартиры, где всё то же самое и даже стоит почти на тех же местах?

Уборка, пробежка в магазин, и вот, конечно же, его любимый набор продуктов: курица целая, чтоб запечь, маленькие шампиньоны, длинный рис, дорогое немецкое пиво...

Пора звонить. Долго не берёт трубку, потом бодро так: «Алё! Кремль слушает! Нет, я не занят, а что у тебя там? Ммм... Курочка с хрустящей корочкой, а соус есть? Ага, жди, дорогая, скоро буду»...

И я счастлива, просто счастлива, сейчас придет и весь вечер будет со мной, ему будут звонить, а он не возьмёт трубку, потому что я важнее всего на свете, раз в

это холодное воскресенье он придет ко мне, ведь так?!

Поужинали. Валяемся на диване и смотрим кино. Как от него пахнет... Мне кажется, что ему слышны бешеные стуки моего сердца, под пледом тепло от его большого тела, в полумраке я смотрю на его губы, поцелуй меня, поцелуй меня... Ну не может он не чувствовать того же, что и я, ведь воздух просто пропитан любовью, наэлектризован, у меня мурашки бегут от его взгляда...

«Ой, ну всё, дорогая, мне пора, завтра тяжёлый день, спасибо за ужин... и...». Смотрит так на меня, мне кажется, что его глаза темнеют... Что «и», ну что «и»? Поцелуй меня, я умоляю тебя!!! Разве ты не видишь, разве не знаешь?! Ведь я живу, я дышу ради тебя, ну сколько можно! Поцелуй меня!

«Ладно, давай, беги, а то такси уедет», — закрыла за ним дверь. Наверное, уже в сотый, тысячный раз закрыла за ним эту хреновую дверь... Мне хотелось крушить, ломать мебель, кричать, плакать, звонить ему, выбросить гитару, и увлажнитель воздуха, и яблоки, ведь я их ненавижу!!! Но я пошла на кухню мыть посуду. Однажды будет тепло. Мы пойдём гулять или поедем вдвоём на природу, и тогда... может, тогда?

ЗВЁЗДНЫЙ МОНАХ

То лето выдалось счастливым, как ни крути. Во-первых, учебный год я закончила без троек,

во-вторых, мне разрешили отрезать чёлку, а в-третьих и в главных, меня отпустили вместе с семьёй подруги в Тугустемир.

Это зелёное село в Башкирии довольно старое. В нём в прошлом веке было имение каких-то дворян, и там же был построен чудесный храм во имя Святой Екатерины. Усадьба и храм стояли до сих пор. И это было чудо, что их, особенно Дом Божий, не снесли в 30-е годы и не разрушили после. Храм стоял на холме посреди села. Маленькие домики обступали его и абсолютно терялись в тени его архитектурного величия.

Мы с Аней тогда и не думали, конечно, об исторических красотах, да и вообще... Мы мало о чём думали. В головах 13-летних девочек гулял вольный ветер, состоящий из образов прекрасных принцев и того, какие купальники нужно надеть, отправляясь на озеро.

Приехав на место, в деревянный дом, где обитала бабушка Анны — Елена Матвеевна, мы сразу заявили, что будем спать в палатке на самом краю участка, около бани.

— Около бани? — Елена Матвеевна заметно удивилась. — Ну-ну.

Мы как-то не придали значения этому её «ну-ну», тем более что это решение казалось нам очень логичным. Семья у Ани была большая: кроме нас, ещё двое мальчишек, её мама и папа,

и бабушка, конечно. А дом — маленький. Обычный деревенский пятистенки, так что нам предстояло или спать на раскладушках в проходе, или что-то придумать. Мы решили придумать. Тем более что к соседям приехали сыновья: три богатыря и все старше нас. И мы надеялись вечером увидеть их во дворе. Лучше в нашем.

И вот этим же вечером, разворачивая палатку как можно ближе к лесу, в который упирался участок, мы любопытно поглядывали во двор соседей справа и немного боязливо косились на тёмные окна бани рядом с участком слева. В какой-то момент я увидела красное яркое солнце, сияющее на луковках и крестах храма, что устремлялись в глубину закатного неба.

Наконец улеглись спать. В палатке темно и тихо. Постепенно мы перестали говорить и стали слушать надвигающуюся ночь. Ночь подкрадывалась на цыпочках, но, видимо, иногда оступалась, и тогда раздавался хруст ветки или томный вздох. Летняя ночь стала живой, как-то давящей на наше убежище.

— В туалет хочу... — тихо сказала Аня.

— С ума сошла? Темно. — Мне не хотелось идти с ней и не хотелось оставаться одной.

— Не. Я пойду. Нет тут никаких домовых и прочих! — громко выпалила бесстрашная белокурая девочка и ушла, оставив полог открытым.

Я стала глядеться в темноту. До того, как она сказала слово «домовой», страшно не было, лишь неудобно. А теперь я как-то забоялась. Напряжённо глядясь в тёмный провал входа, я смогла разглядеть очертания деревьев. Они были словно вырезаны на фоне тёмно-фиолетового неба. Из леса доносились странные шорохи, сухие, тревожные, и какие-то слабые стоны...

— Ну вот и я! — Анна ввалилась в палатку и сразу застегнула её. — Всё. Давай спать. И тихо давай. Там кто-то ходит, — почти беззвучно сказала она.

— Кто ходит? Твои, наверное?

— Откуда я знаю? Нет, мои спят... Вроде человек. Может, сосед пробрался... Я фигуру видела. А шагов не было слышно...

Надо ли говорить, что этой ночью мы почти не спали. Лес пел ночную песню. Совы жили своей разбойничьей жизнью. Мыши шуршали в траве. Около бани кто-то ходил, и однажды нам даже почудился стук в банное окно. Или из окна. Взявшись за руки, мы переждали ночь и уснули лишь на рассвете, услышав крик петуха.

— Ну вы и сони! — Елена Матвеевна откинула полог. — Завтрак!

Эта яркая даже в пенсионном возрасте женщина не любила непослушание. И мы быстро вскочили, умылись и побежали в дом. Вся семья в сборе. Как хорошо!

Мягкий утренний свет, чай с травами и свежий творог с малиной. Что может быть лучше?!

— Ну как спали, ласточки?

— Нормально. Всё хорошо! — отважно солгала Анна.

— Никто не беспокоил?

Тут не выдержала я:

— Слышали шаги и шорохи! И стук в банное окно. Или это из бани стучали...

За столом как-то все смолкли. Что-то холодное стало вползать в тёплое деревенское утро...

— Ой, да ерунда! Никого тут нет. Ветка черёмухи стучала в окно — и всё! — Елена Матвеевна была в прошлом журналисткой. Человеком взвешенным и не особо мистически настроенным. Атеистка, спортсменка и просто красавица, короче.

От её слов стало спокойно. Действительно, нам же не по восемь лет, как Анькиным братьям. Тем более что мы пошли гулять по участку и убедились в том, что черёмуха действительно растёт около самого банного окна.

— Ань, а где сосед-то ходил? — вспомнила вдруг я.

— Да тут за малиной. — Анна махнула в сторону и как-то осеклась. Посмотрев туда, я поняла почему: за малиной ходить было никак невозможно, там были плотные заросли чертополоха, а за ним — деревянный забор, за которым уже начинался заброшенный участок, тоже заросший чертополохом. Даже

самая отчаянная и толстошкурая корова не смогла бы там пробраться, тем более человек, тем более бесшумно...

Мы не стали развивать эту тему. Но, нагулявшись и наигравшись в бадминтон с соседскими богатырями, мы к вечеру пришли спать в дом со всеми. Пусть на раскладушке. Ну её, эту палатку. Неудобная.

Ужинать сели затемно. Только начали, как услышали колокольный звон.

— Красиво всё-таки, — сказала вдруг атеистка Елена Матвеевна, — и церковь красивая. Хорошо, что он её отстоял.

— Кто?

— Монах. Не знаю, как его звали, но деревенские говорят, что только благодаря ему церковь не разрушили.

— А что он сделал? — нам было не особо интересно, но подержать беседу было нужно.

— Говорят, что, когда пришли взрывать храм, а его арестовывать, он попросил дать ему ночь помолиться. Ему позволили. Никто не торопился особо. Монах ушёл на берег реки, на пустынное место тут недалеко, и лёг на землю. Крестом. То есть раскинув руки. И стал молиться, глядя в небо. Он молился, и, говорят, слова его были так сильны и горячи, что все травы и деревья начали расти с нереальной скоростью. За ночь на этом месте вырос лес. А монах исчез, говорят, что деревья проросли сквозь него. Заживо. Они росли, а он

не переставал молиться... Наутро его там не было. А выросший за ночь лес — был.

— А почему они всё-таки не снесли храм?

— Испугались. Ведь все видели, что место было голое. И монах исчез ведь, но, положим, он мог и убежать... Один, кстати, главный, наверное, попытался занести взрывчатку в храм, но что-то пошло не так, он упал и напоролся на гвоздь. А наутро умер. Столбняк. Что тоже странно, столбняк недели две развивается... Ну ладно, ласточки! Байки всё это... Так, попугала вас. — Елена Матвеевна собралась ложиться спать и села расплетать две косички, которые, как девочка, носила до сих пор.

— Ну, не очень страшно. А что страшного? — Анна всё пыталась добраться до сути. Храбрилась. Хотя нам всем стало как-то тревожно. Ведь этот лес у реки мы видели и даже гуляли там...

— Страшно то, что тень этого монаха до сих пор бродит по селу. Не к добру его увидеть! Вот так. Всё.

Притихшие и напуганные, мы легли спать. Долго ворочались в постелях.

— Да ерунда! Мне показалось! — Анна чуть не разбудила всех.

— Конечно! — не слишком уверенно поддакнула я.

— Завтра ещё сходим в этот лес!

— Зачем? — я не очень поняла смысла в такой отваге.

— Чтобы его напугать. Ему же

хуже! — неожиданно сказала подружка и отвернулась к стене.

Я не поняла логики и решила, что она бредит. Но утром Анна потащила меня в лес у реки. Я сначала сопротивлялась, потом, решив, что не мне же являлся монах, значит, бояться нечего, пошла.

Лесок встретил нас радостно. Речка-ручей пела весёлую песню. Птички щебетали, и ольхи, растущие тут, ласково шелестели тёмной изумрудной листвой.

Анна наклонилась умыться, когда на вершине холма, который возвышался на другом берегу реки, я заметила какое-то движение. Подняв голову, я увидела чёткий чёрный силуэт на фоне ясного летнего неба.

— Ань... — хриплым от ужаса голосом позвала я и на секунду перевела взгляд на подругу.

— Что? — Анна подняла голову. Но силуэт уже исчез.

— Показалось. Пошли домой.

По дороге мы молчали. Аня уловила моё напряжение.

— Ты видела что-то?

— Да. Там на холме...

— Да нет, не может быть! — Анна рассмеялась с облегчением.

— Там с другой стороны обрыв. Человеку туда не взобраться!

— Человеку? — переспросила я. Анна смолкла.

День был испорчен. Мы стали ждать несчастья. Но оно всё не наступало. Только три богатыря уехали в город, так и не подарив нам ни обещаний, ни прогулок при луне. Вот и всё.

А вечером мы сидели на скамейке у дома и смотрели на россыпи звёзд над головой. И это бесконечное, высокое небо, где по чёрному бархату бежала алмазная струя Млечного Пути, будто пообещало нам, что ничего страшного не случится ни сейчас, ни после. Напомнило нам только, что мы юны и счастливы, и должны беречь в памяти эти дни и это небо.

И мы запомнили. И помним до сих пор наши самые лучшие дни и самое лучшее небо. Мы выросли, мы повзрослели и даже живём в разных полушариях. И когда я вижу Большую Медведицу, Анна видит Южный Крест. Но, когда нам тревожно, когда жизнь нас пугает, мы как будто берёмся за руки. Как и тогда, в ту ночь в палатке.